

УДК 82

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2022.16.3.1

Научная статья

А. Э. Еремеев¹

✉ nou_ogu@mail.ru

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Поэтика философской прозы и нравственно-философские искания в книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями»

Аннотация: Изучение литературного наследия Н. В. Гоголя невозможно без осмысления его религиозно-философского учения и тем самым понимания поэтики этих произведений, и в частности «Выбранных мест из переписки с друзьями». В литературоведческой мысли давно идет дискуссия преимущественно по вопросу об оценке значимости этого произведения. Нельзя отрицать того, что для литературоведов Гоголь прежде всего художник, критические, духовно-нравственные, научные произведения писателя до сих пор целостно не изучены и стоят в стороне исследовательской мысли. Волею судьбы Гоголь стоял у истоков рождения специфической формы в русской литературе, которую мы называем философской. «Выбранные места...» можно квалифицировать как художественную философию. Авторская мысль становится предметом и средством художественного изображения, внутренним формообразующим принципом. «Выбранные места...» представляют собой первый на русской литературной почве опыт создания синтеза философской критики и художественной прозы, вобравшей в единую целостность эстетические, художественные, философские и богословские начала. Эта книга подлинно синтетичная, в ней Гоголь предстает как православный мыслитель, зовущий к преобразению человека в православной истине и тем самым возрождению национального сознания и социальной жизни.

Ключевые слова: Гоголь, Выбранные места из переписки с друзьями, философская проза, поэтика.

Дата поступления статьи: 1 июня 2022 г.

Для цитирования: Еремеев А. Э. (2022) Поэтика философской прозы и нравственно-философские искания в книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 16, № 3, с. 7–21. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2022.16.3.1.

Scientific article

A. E. Eremeev¹

✉ nou_ogu@mail.ru

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Poetics of philosophical prose and moral and philosophical searches in N. V. Gogol's book "Selected passages from correspondence with friends"

Abstract: The study of N. V. Gogol's literary heritage is impossible without understanding his religious and philosophical teachings and thereby understanding the poetics of these works and, in particular, "Selected passages from correspondence with friends". There has been a discussion in literary thought for a long time, mainly on the question of assessing the significance of this work. It cannot be denied that for literary critics Gogol is primarily an artist; the critical, spiritual, moral, scientific works of the writer have not been comprehensively studied yet and they are not in the focus of research scope. By the will of fate, Gogol was at the forefront of a specific form in Russian literature i.e. philosophical one. "Selected passages..." can be qualified as an artistic philosophy. The author's thought becomes the subject and means of artistic representation, an internal shape-generating principle. "Selected passages..." represent the first experience of creating a synthesis of philosophical criticism and fiction in the Russian literary; it has incorporated aesthetic, artistic, philosophical and theological principles into a single integrity. This book is truly synthetic; Gogol appears in it as an Orthodox thinker calling for the transformation of a man in Orthodox truth and thereby for the revival of national consciousness and social life.

Keywords: Gogol, Selected places from correspondence with friends, philosophical prose, poetics.

Paper submitted: June 1, 2022.

© А. Э. Еремеев, 2022

For citation: Ereemeev A. E. (2022) Poetics of philosophical prose and moral and philosophical searches in N. V. Gogol's book "Selected passages from correspondence with friends". Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 16, no. 3, pp. 7–21. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2022.16.3.1.

Введение

Вокруг имени Н. В. Гоголя в литературоведческой мысли давно идет то усиливающаяся, то затихающая дискуссия преимущественно по вопросу об оценке значимости «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847 г.). Нельзя отрицать того, что для литературоведов Гоголь прежде всего художник, критические, духовно-нравственные, научные произведения писателя до сих пор целостно не изучены и стоят в стороне исследовательской мысли. Вместе с тем следует подчеркнуть, что изучение литературного наследия писателя невозможно без осмысления его религиозно-философского учения и тем самым понимания поэтики этих произведений, и в частности «Выбранных мест из переписки с друзьями».

В свое время К. В. Мочульский отмечал: «В нравственной области Гоголь был гениально одарен, ему было суждено круто повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии <...> ее религиозно-нравственный строй, ее гражданственность... ее пророческий пафос и мессианство» (Мочульский, 1976, с. 86).

Волею судьбы Гоголь стоял у истоков рождения специфической формы в русской литературе, которую мы называем философской. В этом отношении он являлся одним из родоначальников особой содержательной формы (наряду с Д. В. Веневитиновым, И. В. Киреевским, В. Ф. Одоевским, П. Я. Чаадаевым, А. И. Герценом, Н. В. Станкевичем, А. С. Хомяковым), базирующейся на основе самоосознания личности. Сам Гоголь в «Авторской исповеди» так писал о себе: «С этих пор человек и душа человека сделались больше, чем когда-либо, предметом наблюдений <...> я обратил внимание на узнание тех вечных законов, которыми движется человек и человечество вообще» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 214).

Результаты

Гоголь – создатель уникального эпического произведения, не менее уникального, чем «Былое и думы» Герцена, во многом выпадает из активного читательского и научного сознания потому, что «... как мыслитель еще более закрыт от нас его художественным творчеством, чем это можно сказать о Ф. М. Достоевском...» (Зеньковский, 1926, с. 43).

Если воспользоваться современной жанровой терминологией, то следует отметить, что Гоголю было присуще эстетическое сознание, вобравшее в себя философские, эстетические, научные, этические, религиозные – самые сложные сочетания синтетических начал. Этот мощный сплав разнообразных форм культуры, реализующийся в «Выбранных местах...» на основе глубинного универсального осознания личностью собственного «я», сопряженного с жизнью, становится стержнем поэтики книги, созданной Гоголем, тяготеющей к эпичности на основе эссеистического сознания. Именно поэтому организующим центром высказывания художественно-философского типа в «Выбранных местах...» является «я» автобиографического, открыто личностного воплощения: «... я был тяжело болен, смерть уже была близко <...>, я захотел оставить при расставанье что-нибудь от себя моим соотечественникам <...>. Сердце мое говорит, что книга моя нужна и что она может быть полезна <...>. В заключение прошу всех в России помолиться обо мне» (везде выделено мною. – А. Е.; Гоголь, 1994, т. 6, с. 7, 8).

Здесь мы наблюдаем наличие рефлексивного авторского сознания, или осознания повествующего субъекта этого «я», вовлекающего в повествование все связанное с его бытием, чувствами, мыслями. Повествование в «Выбранных местах...» начинается с ввода образа в виде условно-биографического «я», ибо внедрение непосредственно «я» повествователя повлекло бы к неизбежному разрушению или недоволощению художественного текста. Из этого «я» повествователя разворачиваются центробежные силы осознания бытия, и они же возвращаются центростремительными началами к сознанию авторской рефлексии. Здесь мысль о всеобщем предстает не отвлеченной, а слитой с глубинным опытом личностного духовного познания.

У Гоголя не было собственно эстетических, философских построений, как это можно увидеть у классиков германской философской мысли. В «Выбранных местах...» мы наблюдаем продвижение мыслительного процесса непосредственно в жизнь. «Очень часто в Гоголе не хотят видеть мыслителя, тогда как он, несомненно, был им», – справедливо замечал Зеньковский (Зеньковский, 1991, с. 187). Этот особый тип философствования, свойственный русскому самосознанию, характеризуется не строгой логичностью и теоретическими построениями, а проявляется в трепетном отношении к жизни в духовном ее осмыслении. Однако следует заметить, что «Выбранные места...» стоят особняком в русской литературе, несмотря на близость нравственно-духовной проблематики с произведениями И. В. Киреевского, А. С. Хомякова. В Гоголе в силу его творческой индивидуальности в первую очередь доминирует чувственно-образное самосознание, развивается отличное от современников художественное мышление, формирующее совершенно особый поэтический строй.

«Выбранные места...» можно квалифицировать как художественную философию. Думается, что это определение указывает на важнейшую черту гоголевского произведения: все входящие в состав художественного целого стихии синтезируются на собственно образной основе. Эстетический характер подобного синтеза составляет своеобразие философичности «Выбранных мест...». Иначе говоря, философичность в данном случае формируется не только в идеях, проблемах, высказываниях, но в специфике художественного повествования. Авторское сознание нацелено не только на объект высказывания, но и на сам процесс мышления о нем.

Авторская мысль становится предметом и средством художественного изображения, внутренним формообразующим принципом. В «Выбранных местах...» очень сильна дидактико-проповедническая тенденция: задача автора – внедрить в сознание читателя принципы высших нравственных начал.

Эстетическая, философская мысль Гоголя вся в движении, в переходе из одного состояния в другое, живая и воздействующая на сознание читателя, стремящаяся изменить его нравственный идеал. Главы «Выбранных мест...» – это философские раздумья, зачастую переходящие в дидактические поучения. Героем его произведения, будь это эстетические либо философские размышления, оказывается диалектика мысли, сама жизнь в своей неразрешимости и драматичности. Гоголь утверждал в письмах по поводу «Мертвых душ» в «Выбранных местах...»: «Дело мое – душа и прочное дело жизни» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 83).

Гоголь не был первопроходцем в области создания философской прозы. Кризисная эпоха 1820–1840-х годов требовала новых жанров с огромным философским потенциалом, и они не замедлили появиться, новое жанровое содержание повлекло за собой изменение словесного ядра. «Уже при первом рождении нашей литературы... мы искали преимущественно философии, – замечал Киреевский, – и за образом мнения забывали образ выражения» (Киреевский, 1911, т. 1, с. 17). Современники Гоголя Д. В. Веневитинов, В. Ф. Одоевский, П. Я. Чаадаев, Н. В. Станкевич, А. С. Хомяков рассматривали дидактику, по мысли В. Г. Белинского, как особый характер литературы, который «отличается от произведений художественной поэзии тем, что сознание их основной идеи может предшествовать в душе художника самому акту творчества, и тем еще, что мысль в них есть главное, а форма только как средство для ее выражения» (Белинский, 1954, с. 63). Именно так выстраивали свои монологи-рассуждения А. А. Бестужев, Н. А. Полевой, И. В. Киреевский, Д. В. Веневитинов, письма – П. Я. Чаадаев, В. Ф. Одоевский, М. М. Максимович, Н. В. Станкевич.

Гоголь со своими «Выбранными местами...» потому и отстоит от вышеназванных писателей, что в его авторском сознании доминировало образное начало, представляя некий мост между действительностью и философским ее освоением. У Гоголя создается своя система отражения бытия: он черпает в жизни богатое противоречивое содержание, непрерывно порождая из себя понятийную мысль; эта мысль в отличие от писателей сугубо философского направления рождается из образного сознания писателя. Рассмотрим стилистическое построение фраз и общую дидактическую направленность текстов Чаадаева и Гоголя:

Чаадаев:

«...пора современному разуму признать, что всей своей силой он обязан христианству» (Чаадаев, 1987, с. 130).

Гоголь:

«Друг мой! считай себя не иначе, как школьником и учеником. <...> Для христианина нет оконченного курса; он вечно ученик и до самого гроба ученик» («Христианин идет вперед», 6, с. 50).

По мысли В. Зеньковского, «Гоголь так и остался на всю жизнь человеком, одаренным и в художественной восприимчивости (как это сказалось, напр., в экстатических его переживаниях...), и в глубокой эмоциональности, вытекающей из этой художественной восприимчивости» (Зеньковский, 1994, с. 320). Гоголь формирует уникальный принцип органического соединения субъективного эмоционального опыта и бытийного сознания. Создавая образ условно-биографического «я», Гоголь благодаря ему закладывает одну из основ структуры «Выбранных мест...». Синтез внутреннего и внешнего миров, личностного и бытийного служит фундаментом поэтики произведения. В каждом «письме» мы наблюдаем, как художественный образ вбирает в себя непосредственное бытие и осознание его; кроме того, подобная последовательность этапов: факт – его освоение, включение в свой духовный опыт путем осознания – суггестивность смысла явления в художественном обобщении, – всё это является живым синтезом философского, понятийного и художественного познания жизни.

В «Выбранных местах...» формируется та особенная прозаическая художественность, которую мы наблюдаем в творчестве В. Ф. Одоевского, Д. В. Веневитинова, Н. В. Станкевича, И. В. Киреевского, А. И. Герцена в период первой половины XIX века. Художественный образ у Гоголя приобретает особое качество как носитель авторской мысли, он стягивает к себе все значимое в социуме. В подобном образе отражается историческая действительность, которая проходит через горнило сознания условно-биографического героя и возвращается к читательскому сознанию: «Как бы, казалось, девятнадцатый век должен был радостно воспринять этот день <...> Но на этом-то самом дне, как на пробном камне, видишь, как бедны все его христианские стремления и как все они в одних только мечтах и мыслях, а не на деле. И если, в самом деле, придется ему обнять в этот день своего брата, как брата – он его не обнимет <...> Христианин! Выгнали на улицу Христа, в лазареты и больницы, наместо того, чтобы призвать Его к себе в дома, под родную крышу свою, и думают, что они христиане!» («Светлое Воскресенье», Гоголь, 1994, т. 6, с. 187).

Прямое выражение смысла поставило перед Гоголем задачу создания нового героя. Стремление к философскому обобщению обретает определенную плоть, остается в рамках художественного сознания; здесь мысль облекается в художественный образ и такое превращение становится образом мысли. Философичность «Выбранных мест...» заключается в синтетическом характере художественной деятельности автора, соединяющей духовное и практическое начала, бытие и его осознание, а также интеллектуально-логическое начало, наличествующее в слове как материале, не говоря уже об освоении философской проблематики в контексте содержания произведения.

Для понимания философской поэтики «Выбранных мест...» очень важно уяснить примат этического в личности Гоголя. По мысли Зеньковского, «... истина ... отвечала на его вопрос, как послужить “общему делу”. В Гоголе проснулась психология реформатора, чисто литературное творчество перестало быть доминирующим в его внутренней жизни (как потом у Толстого)... Путь Гоголя шел от созерцания к действию, от узрения всякой неправды в жизни к преобразению жизни. Это и было то “дело жизни”, та тема реального действия, которая и вдохновляла и терзала его» (Зеньковский, 1994, с. 337).

Гоголь развивает мысль, что только жизнь в Боге, сопереживание ее с Богом может привести к истинному познанию Бытия. Гносеология Гоголя в этот период буквально пронизана православным взглядом на человека. Для полноценного познания жизни, для жизни в истине мало работы разума, гармоничное познание ее должно быть освещено духовным началом, а оно зиждется в Вере. По мысли Гоголя, «Ум не есть высшая в нас способность... Отвлеченными

чтеньями, размышленьями и беспрестанными слушаньями всех курсов наук его заставишь только слишком немного уйти вперед <...> Но и разум не дает полной возможности человеку стремиться вперед. Есть высшая еще способность; имя ей мудрость, и ее может дать нам один Христос» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 51–52). Суждение Гоголя очень близко к мысли Киреевского, который уже в раннем периоде своего творчества не отделял философского сознания от богословского, не признавал никакого дуализма веры и разума, а искал духовной и идейной целостности. Позднее в «Отрывках» он запишет: «Отделенное от других познавательных сил, логическое мышление составляет единственный характер ума, отпавшего от своей целостности. Весь порядок вещей, происшедший вследствие этого раздвоенного состояния человека, сам собою влечет его мышление к этой логической отдаленности. Потому-то вера и превышает естественный ум, что он опустился ниже своего первоестественного уровня» (Киреевский, 1911, т. 1, с. 276).

Следует заметить, что примат этического начала дает основание говорить об особом способе художественного освоения действительности, сопрягающего в себе познавательный (философский) и этический момент, не выходящий за рамки художественности. М. М. Бахтин так определяет понятие художественного содержания: «Действительность познания и этического поступка, входящую в своей опознанности и оцененности в эстетический объект и подвергающуюся здесь конкретному интуитивному объединению, индивидуации, конкретизации, изоляции и завершению, то есть всестороннему художественному оформлению» (Бахтин, 1975, с. 32).

В «Выбранных местах...» этическому моменту принадлежит существенный примат в содержании, все познаваемое авторским «я» Гоголь соотносит с миром человеческого поступка. Это то, что Бахтин считает эстетическим анализом, который достигается «непосредственно путем сопереживания или вчувствования и сооценки» (Бахтин, 1975, с. 37). Гоголя в «Выбранных местах...» волнует проблема соотношения жизни и сознания, где сознание является отправной точкой в постижении смысла бытия, при этом смысл оказывается важнее жизненного явления. Основной чертой, характеризующей книгу, является также дидактико-проповедническая тенденция: задача автора – внедрить в читательское сознание принципы истинного познания, сопряженные с христианской нравственностью. Философская проза Гоголя предполагает не опосредованное картинами, изображением явлений воплощение саморазвития жизни, как это происходит в собственно художественной прозе; здесь мы наблюдаем концентрированное выражение смысла происходящего, совершающегося в процессе его добывания.

Как правило, мысль строится на главенстве нравственного или философского тезиса, ясного автору, а повествование подчинено логике его раскрытия. Мысль становится своеобразной доминантой, организующей внутреннюю структуру художественного образа: «Друг, не смущайся ничем! Если бы седмерицею крат были запутанней нынешние обстоятельства – все примирит и распутает наша Церковь. <...> Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь очистительный огонь. <...> Недаром архиерей, в торжественном служении своем, подымая в обеих руках и троесвешник, знаменующий Троицу Бога, и двусвешник, знаменующий Его сходящее на землю Слово в двойном естестве Его, и Божеском и человеческом, всех ими освещает, произнося: “Свет Христов освещает всех!”» («Просвещение», Гоголь, 1994, т. 6, с. 70–71).

Следует заметить, что главенство философствующего сознания автора в тексте есть лишь тенденция, своеобразный смысловой полюс, который на практике никогда не достигим. Философская образность проявляет себя на основе концентрации, укрупнения общего смысла явления, а также за счет увеличения значимости читательского сознания, которое одновременно является героем произведения, сопряженного с сознанием повествующего субъекта. Направленность авторского сознания в «Выбранных местах...» всегда отчетливо дедуктивна, общий смысл зачастую задан и только уточняется, доказывается, конкретизируется в процессе создания развернутого художественного образа, сопряженного с авторским «я» писателя. Гоголь вступает в открытый диалог непосредственно между писателем и читателем. Здесь мы наблюдаем сложный синтетический процесс сопряжения автора-творца с читателем. Гоголь открывает двусторонний

акт познания-проникновения в художественное произведение, которое подразумевает под собой активность как познающего, так и открывающего, так, что читатель, входя в своеобразную реальность художественного текста, окунается в эту особенную, отличную от всех феноменов сознания действительность и живет в едином потоке с авторским «я» писателя, его произведением и тем самым с его творческой биографией, ибо одно не может существовать без другого.

В разделе «О том, что такое слово» Гоголь прямо писал: «Писатель на поприще слова должен быть так же безукоризнен, как и всякий другой на своем поприще. <...> Потомству нет дела до того, кто был виной, что писатель сказал глупость или нелепость, или же выразился вообще необдуманно и незрело. Потомство не примет в уважение... затруднительное положение. Оно сделает упрек ему <...> Обращаться со словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 19–20).

Гоголь стремится к тому, чтобы читатель, охваченный актом сотворчества, направленным на художественный текст, а тем самым и на автора, творил это художественное произведение как бы заново. Этот процесс бесконечен в потоке времени-пространства, ибо он освещен самой жизнью и будет длиться до тех пор, пока будет живо само человечество. Причем автор, его произведение и сам читатель, стремящийся к неисчерпаемости осмысления, постижения и, наконец, творения художественного текста, являются одновременно величинами постоянными и переменными.

Эстетическое кредо философской прозы Гоголя заключается не в художественном раскрытии общеполитических положений и не в иллюстрировании философских тезисов. Философская проза «Выбранных мест...» рождается как единственно возможная форма открытия-воплощения глубин общечеловеческого, нравственного начал. «Так серьезно и *честно* задумал Гоголь свою книгу “о самом существенном” – о том новом отношении его к истории и историческому деланию, о новом понимании человека и его путей, о той задаче “общего добра” – которая вытекала из его религиозного миропонимания. Гоголь, – как это точно определил Зеньковский, – хотел в своей книге дать и программу этого “общего добра” и установить ясное отношение ко всем трудным вопросам современности – и вместе с тем приобщить к своему пониманию жизни всех тех, кто ищет добра» (Зеньковский, 1994, с. 275).

Трагический разрыв между общесоциальными и индивидуально-личностными ценностями преодолевается у Гоголя утверждением ценностей универсально-всеобщих, трансформируемых через истинную идею православного духовного начала в человеке, дающую мощный импульс возрождению национального сознания. Именно это общечеловеческое христианское начало становится центром философской прозы Гоголя и определяющей доминантой ее жанрово-стилевой структуры. Наиболее существенным достижением эстетики Гоголя в «Выбранных местах...» явилась установка на воссоздание процесса мышления и целостности мыслящего человека, которая, в конечном итоге, не сводима ни к каким чисто логическим выводам и итогам размышления.

Еще раз подчеркнем, что организующим центром в высказываниях художественно-философского типа Гоголя является «я» условно-биографического плана, что в свою очередь порождает риторичность его прозы в «Выбранных местах...». Понимая под риторичностью не просто «способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета» (Аристотель, 1978, с. 19), но особый подход к осмыслению действительности, установку и ценностную направленность авторского сознания Гоголя на религиозно-социальную трансформацию русской действительности, которую С. С. Аверинцев определил как «риторический рационализм». Именно риторические приемы обеспечили гоголевской философской прозе наиболее убедительное и ясное выражение смысла законов явления жизни. Неслучайно В. Г. Белинский рассматривал дидактику не как особый род литературы, а как особый ее характер, который «отличается от произведений художественной поэзии тем, что сознание их основной идеи может предшествовать в душе художника самому акту творчества, и тем еще, что мысль в них есть главное, а форма только как бы средство для ее выражения» (Белинский, 1954, с. 63).

Итак, дидактическая направленность прозы Гоголя актуализируется в синтезе логического и образного начал; принцип связи строится на художественной основе, процесс интеллектуализации создается благодаря развертыванию познавательно-философского потенциала, который несет в себе реалистический способ освоения действительности.

Проблема философского начала в «Выбранных местах...» возникает не столько в контексте собственного творчества Гоголя, сколько в «большом» историческом и литературном времени, в соотнесенности с другими явлениями развития русской прозы XIX столетия. В русской общественной жизни, начиная с 1820-х годов, в силу исторического развития России художественное творчество становится универсальной, всеобъемлющей формой самовыражения нации. Потребности эпохи были таковы, что писатель должен был превратиться в художника-мыслителя, философа, гражданина. Как отмечал Г. Гачев, «... вся мощь русской классической литературы и заключается в том, что она в XIX веке выполнила роль национальной русской философии; и не только философии, но и еще и политики, и нравственности» (Гачев, 1981, с. 12). Упоминание об актуальности философского начала в «Выбранных местах...» неоднократно встречается в современном литературоведении. Среди работ о «Выбранных местах...» можно выделить исследования И. А. Айзиковой, И. А. Виноградова, М. А. Жирковой, А. С. Янушкевича, Э. И. Коптевой (Айзикова, 2005; Виноградов, 2018; Жиркова, 2015; Янушкевич, 2006; Коптева, 2014). Коптева в статье «Своеобразие жанровой формы «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя (к вопросу о русской просветительской традиции)» наиболее близко подошла к раскрытию проблемы жанрового своеобразия «Выбранных мест...». В частности, исследователь отмечает: «В книге Гоголя раскрывается процесс самонаблюдения-самопостроения. Повествователь (условное “я”) ведет самого себя по этапам жизнепостижения, размышляя, как конкретный путь выражает универсальный» (Коптева, 2014, с. 155). Без осознания проблемы личности автора, соотнесенности личностных поисков писателя в собственном житетворчестве невозможно представить поэтику гоголевского произведения. Игнорирование личности художника, его религиозных воззрений, его личностного самостояния чревато глубокими потерями в анализе, вплоть до непонимания истинной сущности художника и неверной трактовки его эстетической позиции. Непосредственное влияние на жизнь, внутреннее состояние ответственности за человека, судьбу России, человечество в целом, это «теургическое беспокойство», берущее свое начало в церковном православном мировоззрении, было свойственно Гоголю и составляет основу его эстетического кредо в «Выбранных местах...».

Следует заметить, что наряду с искусством, наукой, политикой, философией и иными сферами культуры существует «специфическая сфера творчества, содержание которой составляет не что иное, как личная жизнь человека» (Винокур, 1927, с. 9), примером тому является жизнь П. Я. Чаадаева, В. С. Печерина, А. И. Герцена, Н. В. Станкевича, И. В. Киреевского. Разрыв между внешним и внутренним миром в 30-е годы XIX столетия становится в этот кризисный период принципом осознания и построения биографии собственной личности, осознаваемой исторически укрупненно, – и это было присуще всему этому кругу культурных деятелей России. Для них не существовало личного счастья, отдельного от России, от общечеловеческого. «Легкость, с которой он [Огарёв] и Герцен, – пишет П. В. Анненков, – постоянно призывали само Провидение на вмешательство в их дела, как бы в виде своего доверенного и уполномоченного лица, всего лучше объясняет восторженное состояние как их самих, так и вообще той эпохи. Черта эта была у них общая со многими сверстниками из других лагерей. Станкевич, Грановский, В. Боткин, Белинский, так же точно, как К. Аксаков и другие, одинаково считали себя орудиями высших сил и тщились содержать себя в надлежащей чистоте, приличной избранникам Промысла» (П. В. Анненков и его друзья., 1892, с. 50–51).

Биографии этих людей, их образ мировидения, воспринимались современниками как житетворящие, и в памяти запечатлелись не только своими трудами, сколько очистительным духом, тем огромным нравственным потенциалом, который выработался в их личностном начале и так животворяще действовал на окружающих людей.

У современника Гоголя Киреевского жажда деятельности, самоосуществления была настолько сильна, что он уже в раннем периоде своего творчества решительно выбирает поприще просветителя, притом деятельность, принципиально не связанную со служебной. В письме к А. И. Кошелеву он формулирует обращенный к себе вопрос: «Служить – но с какой целью? – Могу ли я в службе принести значительную пользу отечеству? Не думаю, однако же, чтобы я забыл,

что я Русский, и не считал себя обязанным действовать для блага своего отечества! Нет! все силы мои посвящены ему. Но мне кажется, что вне службы я могу быть ему полезнее, нежели употребляя все время на службу. Я могу быть литератором; а содействовать к просвещению народа не есть ли величайшее благодеяние, которое можно ему сделать?» (Киреевский, 1911, т. 1, с. 10).

Личность, ассимилируя жизненные впечатления, создает себя, формирует свою внутреннюю культуру, готовится к некоторым высшим целям и теургическим переживаниям, будь они социальные, нравственные, религиозные.

К этой когорте культурных деятелей принадлежит Гоголь: «Основная черта личности Гоголя в последний период его жизни, – глубоко замечал Зеньковский, – и есть сосредоточение на “деле жизни”; писательство, вообще художественное творчество, перестало играть в его жизни такую роль, какую играло раньше. Для Гоголя дело было не только в том, чтобы построить новое (религиозное) мирозерцание, не только в том, чтобы лично урегулировать свою собственную внутреннюю жизнь, – это оставалось для Гоголя абсолютно важным, но не менее важно было для него “послужить общему делу” через уяснение того, как можно в данных условиях жизни осуществлять правду Христову через “праведное хозяйствование” <...>, когда у него сложилось уже его новое мировоззрение, когда он продумал проблему “праведного хозяйствования”, он захотел это сделать программой жизни для других. Так и вырос его план издания книги “Выбранные места”» (Зеньковский, 1994, с. 330–331).

Следует сказать, что книга Гоголя – это книга о самом Гоголе; жизнь в данном случае не является в ней объектом познания и воспроизведения, ибо он сам со своей судьбой является художественным произведением: «Я был тяжело болен; смерть уже была близко. Собравши остаток сил своих и воспользовавшись первой минутой полной трезвости ума, я написал духовное завещание, в котором, между прочим, возлагаю обязанность на друзей моих издать, после моей смерти, некоторые из моих писем» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 7). Для Гоголя одной из исходных точек создания «Выбранных мест...» явилась личность, с которой происходят события именно в социальной действительности. Гоголь избирает героя, в биографию которого входят решительно все значительные события, совершающиеся в рамках того социального целого, членом которого он является. С этой точки зрения перевод «Одиссеи» В. А. Жуковским, письмо о создании А. А. Ивановым картины «Явление Христа народу» есть столько же факт истории, сколько и факт личной жизни. Переживание в горниле личностного сознания того либо иного события, формирование собственного взгляда на мир и есть та новая форма, в которую отливается у Гоголя отношение между событием и личностью. Становясь предметом переживания, факт получает в «Выбранных местах...» дополнительный импульс – биографическое переосмысление. Писатель только намечает биографическую форму, в которой речь идет об авторефлексии или о деятельности героя; главная цель, которую преследует автор – это сопряженная с читательским сознанием драма самопознания героя, а через это самопознание совершается осмысление миробытия. Таким образом, предметом художественного изображения становится авторская рефлексия, мыслительные процессы осознания бытия собственным «я» героя. Здесь важно, как писатель воспринимает современную ему действительность, с каких позиций проникает в ее сущность. Это предполагает путь авторской мысли от общего к частному, от библейской нравственности к реализации этих закономерностей во времени. Гоголь отталкивается от частных бытия и устремляется к высшему постижению истины. В «Выбранных местах...» оба эти метода (дедуктивный и индуктивный) находятся в неразрывном единстве, обеспечивая столь необходимый для Гоголя прорыв к «абсолютному» знанию. Сопряжение самосознающего и самопознающего героя с объективной действительностью, которая концентрируется в призме субъективного сознания, составляет основу философской прозы Гоголя.

Общность исканий Гоголя и любомудров не означает сходства в художественных решениях. К философской прозе писатель шел своим неповторимым путем и жанровые задачи решал сугубо по-своему. У Гоголя направленность авторской мысли принципиально иная, чем у любомудров, у него иной, лишенный умозрительности и абстрактности психологизм, мысль писателя вызревает в синтезе читательского сознания, обрастает жизненным материалом, входит в канву

художественного произведения в качестве образа-понятия. Мысль Гоголя в «Выбранных местах...» живая и воздействующая на сознание читателя, осердечена авторским переживанием.

У Любомудров идея не просто предшествует акту творчества, она статична, логизирована и поэтому лишена всей полноты жизни. Прозаическая мысль Гоголя не только жизненно богаче, чем у Любомудров, она у него более художественна: ни в проблематике, ни в форме нет и следа той строгой заданности, которую можно наблюдать у Любомудров. В определенном смысле героем «Выбранных мест...» оказывается сама мысль в своей неразрешимости и драматичности.

Еще один важный момент, который хотелось бы затронуть в анализе последней книги Гоголя, изданной после сложных цензурных мытарств в 1847 году в Петербурге, в которой отобразились все проблемы его трагической писательской и личной судьбы. После разгрома декабристов вопрос о будущем русского народа в ряду других наций, с остротой поставленный Чаадаевым, а также вопрос о самоопределении личности, поиск новых идеалов, обращение к проблемам развития внутренней духовной жизни, стремление выработать новое мировоззрение, осознать новые цели общественной жизни – таковы основные проблемы русской культуры конца 1820–1830-х годов. Это была эпоха напряженных философских и нравственных поисков. Именно в области литературы осуществляются в русской культуре поиски возможностей целостного проявления личности. Так, Киреевский в «Обзрении русской словесности за 1831 год» замечает: «Между тем как в других государствах дела государственные, поглощая все умы, служат главным мерилем их просвещения, у нас неусыпные попечения прозорливого Правительства избавляют частных людей от необходимости заниматься политикой, и таким образом, единственным указателем нашего умственного развития остается литература. Вот почему в России следовать за ходом словесности необходимо не только для литераторов, но и для каждого гражданина, желающего иметь какие-нибудь понятия о нравственном состоянии своего отечества» (Киреевский, 1911, т. 2, с. 41).

Киреевский чутко уловил деформацию нашей общественной мысли, которая развивалась под гнетом извращенной государственной и общественной жизни. Это было стремлением к истине ради выживания, а не к истине ради истины, стремлением к практическому мирозерцанию, сопряженному с глубочайшими исканиями Царствия Божия, всецелой и безусловной Истины.

Своей последней книгой Гоголь, будучи глубоко чутким писателем, уловил в сороковые годы кризис, который открылся в российской действительности, связанный с углублением и проникновением секулярного сознания во все сферы современной жизни, появлением разнородной интеллигенции, отвергающей Бога, то, что позднее узрел и развенчал в образе Базарова И. С. Тургенев, опубликовав в 1862 году эпохальное произведение «Отцы и дети». «Религиозно-политическое значение “Переписки”, – отмечал И. М. Андреев, – было огромное. Эта книга явилась в то время, когда в незримых глубинах исторической жизни решалась судьба России и русской православной культуры. <...> Что впереди? Расцвет и прогресс безрелигиозной гуманистической культуры или начало предапокалиптического периода мировой истории. Гоголь громко и убежденно заявил, что Истина в Православии...» (Андреев, 2009, с. 136).

Как ни парадоксально, по определению Зеньковского, «Гоголь был трагически одинок во всех этих исканиях» (Зеньковский, 1994, с. 333), хотя по этому пути шли и Киреевский, и Хомяков, и славянофилы. Гоголь, стремясь дать литературе свое направление, трагически был не понят, с одной стороны, архимандритом Игнатием Брянчаниновым, а с другой стороны, Белинским. Святитель Игнатий Брянчанинов, один из авторитетнейших духовных писателей XIX века, так отозвался о книге Гоголя: «...она издает из себя и свет и тьму. Религиозные его понятия неопределенны, движутся по направлению сердечного вдохновения неясного, безотчетливого, душевного, а не духовного» (Соколов, 1915, с. 121). Белинский, рассматривая вопрос о религиозном будущем народа в «Выбранных местах...», писал: «По-вашему, русский народ самый религиозный в мире: ложь! <...> Приглядитесь пристальнее, и вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ» (Белинский, 1956, с. 215). В данный исторический период Гоголь был захвачен беспредельной романтической идеей, окрашенной трагическим призывом вернуть русского человека к Богу, к Православной Церкви.

Зеньковский отказывает Гоголю в том, «...что он не делал из религиозной темы предмет теоретических или художественных изображений...» (Зеньковский, 1994, с. 337). Напротив, начиная с раннего творчества, Гоголь последовательно находился в русле религиозно-нравственных размышлений, отражавшихся в его эстетическом сознании. «Вновь повторяю вам еще раз, что вы в заблуждении, подозревая во мне какое-то новое направление, – обращался он в письме к С. Т. Аксакову в августе 1847 года. – От ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой иду» (Гоголь, 1994, т. 9, с. 355–356). Действительно, в «Выбранных местах...» полностью абсолютизировалась религиозная проблематика. Неприятие его открытости, его теургического переживания в книге, которая стала деланием жизни не только его, но и в его устремлениях всего русского, – все это привело к трагическому исходу его жизнетворчества. «<...> Его личность раскрывалась не в одном художественном или идейном творчестве, – но в нем всегда было живо сознание, что он стоит перед Богом», – замечает Зеньковский (Зеньковский, 1994, с. 337).

Русская действительность XIX века породила писателей особого рода, о которых Л. Толстой в свое время сказал: «... Тургенев – литератор, Пушкин был тоже им, Гончаров – еще больше литератор, чем Тургенев; Лермонтов и я – нелитераторы» (Цит. по: Русанов, 1912, с. 69). В подобный ряд «нелитераторов» можно в первую очередь поставить Гоголя периода создания «Выбранных мест...», Киреевского, Герцена, Станкевича, Чаадаева; для них было важно не столько создать литературное произведение, сколько постичь жизнь и прожить истинно. Гоголь творил не только в искусстве, но в самой жизни, своей судьбой, своей личной жизнью созидая совершенно особую сферу творчества, в которой эстетическое и этическое начала сливались в единый акт жизнетворения.

Ложно понятая идея свободы, соборности, спасения души, высокомерно отвергнутая как «друзьями», так и противниками, а также отцами церкви, трагически повлияли на Гоголя; но все же его гений смело, без оглядки и вопреки всему, чем жила его эпоха, поставил ее, не отрекаясь от своей книги, стойко выдерживая осуждение всех тех, кто еще вчера превозносил его. Гоголь не отрекся от своих взглядов, которыми он собирался наставить на путь истинный всю Россию. В письме к С. Т. Аксакову, говоря о «Выбранных местах...», Гоголь заключает: «Друг мой, вы не взвесили, как следует, вещи, и слова ваши вздумали подкреплять словами Самого Христа. Это может безошибочно один только тот, кто уже весь живет в Христе, внес Его во все дела свои, помышленья и начинанья, Им осмыслил всю жизнь свою и весь исполнился духа Христова. А иначе – во всяком слове Христа вы будете иметь свой смысл, а не тот, в котором оно сказано» (Письмо к С. Т. Аксакову, август 1847 г., Гоголь, 1994, т. 9, с. 357).

«Выбранные места...» представляют собой первый на русской литературной почве опыт создания синтеза философской критики и художественной прозы, вобравшей в единую целостность эстетические, художественные, философские и богословские начала. Прозревая в этом созидательном процессе гармонию мира, Гоголь устанавливает бесконечность этого процесса, ибо он освещен самой жизнью и будет длиться до тех пор, пока будет существовать человечество.

В «Выбранных местах...» Гоголь свободно и легко излагал свои мысли и искания; в этом плане он является одним из родоначальников особой содержательной формы в русской литературе, основывающейся на самосознании личности. Эта форма получит дальнейшее развитие как в русской, так и в мировой художественной литературе. Язык в «Выбранных местах...» далек от сухих определений, завершающих мысль: у Гоголя его размышления полны развернутых сравнений, олицетворений, иносказаний, составляющих пространство для мысли. В «Выбранных местах...» сформировался особый принцип художественного мышления, отливающегося в многосложную синтетическую форму, перерастающую в некую наджанровую всеобщность, сочетающую в себе религиозные, философские, эстетические, научные, художественные начала. Книга Гоголя – это мощнейший сплав разнообразных форм культуры на основе осознания личностью собственного «я», сопряженного с бытием. Таким образом, Гоголь стоит у истоков создания такой синтетической жанровой формы, которая позволяет говорить о нем как о создателе особого качества русской литературной мысли, влекущейся к цельности обретения бытия. Эта поэтика будет параллельно развиваться в творчестве Чаадаева, Одоевского, Киреевского, Герцена, Хомякова.

В «Выбранных местах...» нет разделения между смыслом и живым явлением действительности. Побуждая к размышлению о сущности жизненных явлений, Гоголь исходил из постановки нравственной проблемы, необходимой для постижения жизни. Мыслительная заданность в художественной структуре произведения – глубоко осознанный принцип его поэтики. В качестве отправной точки Гоголь берет переживание события условно-биографическим «я» героя, сопряженное с социальной жизнью. Эта плодотворная идея заключалась в осуществлении связи рефлексии самосознающего и самопознающего героя с объективной действительностью, которая в своей основе концентрировалась в призме субъективного сознания. Синтез логического и художественного, так своеобразно воплотившийся в «Выбранных местах...», определяет принцип организации внутреннего единства художественного образа, обнаруживает сам процесс закрепления жизненного содержания в словесном материале, способ организации этого материала в словесную форму.

Гоголь создает уникальный принцип органического соединения субъективного эмоционального опыта и формирования бытийного сознания. Синтез внешнего и внутреннего, личностного и бытийного служит основой для историзма «Выбранных мест...». В каждой главе мы наблюдаем слияние непосредственного бытия и момента его осознания – это является живым синтезом религиозного, философского, понятийного и художественного познания жизни.

Пытаясь столкнуть факт и идею, смысл факта, рождающийся в авторском сознании, Гоголь стремится выявить принципы саморазвития, заложенные в них, чтобы родилось качественно новое явление – очеловеченная истина, не сводимая ни к самому факту, ни к его смыслу, выраженному понятийно.

Именно этот синтез Гоголь осуществляет через образ условно-биографического «я», делает его организующим принципом освоения жизни, центром художественного видения. «Выбранные места...» – произведение, в котором созревало и давало плоды то новое качество прозы, которое позволило традиционным жанрам раздвинуть свой канон и трансплантироваться в новую форму. Здесь был описан тип прозаического художественного образа Гоголя, его формирование в процессе жанрового самоопределения писателя.

Для литературоведческой мысли Гоголь является прежде всего гениальным прозаиком, но следует заметить, что изучение его литературного наследия, начиная с «Вечеров на хуторе близ Диканьки», невозможно без осмысления философских и религиозных воззрений. Подобное игнорирование чревато глубокими потерями в анализе произведений писателя, вплоть до непонимания истинной сущности его творчества.

Не претендуя на исчерпанность проблемы, отметим, что к сороковым годам у Гоголя определилась система философских и религиозных взглядов (Зеньковский, 1991, с. 185–199). Так, ко времени издания «Выбранных мест...» у него складывается осознание Церкви как Организма. Гоголь развивает мысль, что только жизнь в Боге, сопереживание ее с Богом может привести к истинному познанию бытия. Гносеология писателя в этот период буквально пронизана православным взглядом на человека. Центром его учения становится мысль о пребывании человека в его духовной сфере, об «оцерковлении» жизни и воцерковлении человека. «Церковь наша, – писал Гоголь в «Выбранных местах...», – должна святиться в нас, а не в словах наших. Мы должны быть Церковь наша и нами же должны возвестить ее правду» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 33–34).

Гоголь не создал рациональной теории, в его религиозно-философских размышлениях мы наблюдаем глубинную связь с житнетворчеством. В «Выбранных местах...» реализовался особый тип философствования, свойственный русскому национальному самосознанию, который характеризуется не отвлеченной мыслительностью, не строгой логичностью, не сухими теоретическими построениями, – религиозно-философская мысль Гоголя удивительно образна и динамична, ее можно прозревать в диалектике перехода от умозаключений к живым, непосредственно связанным с жизнью образам.

Последовательно развивая учение о духовном начале, Гоголь приходит к мысли о единстве ответственности человека перед самой жизнью и ее нравственными основами. В потере этой связи он прозревает утрату гармонии человеком и в целом обществом. Гоголь усматривает

трагизм русского общественного сознания в подмене концепции братской любви произволом личности, в разрыве веры и разума. Пытаясь осмыслить логику исторического развития наций, отрицая как исторический рационализм, так и абсолютный провиденциализм, Гоголь пытается дать ответ об историческом пути России, отличном от западного, самодостаточности русского мира, наметить главный критерий отличия западной и русской культур, выразившийся в разности Церквей, в соборности, цельности, приоритете духовной православной истины.

На эту тему написана самая замечательная глава из книги – «Светлое Воскресенье»: «Как бы, казалось, девятнадцатый век должен был радостно воспринимать этот день, который по сердцу всем великодушным и человеколюбивым его движениям. <...> Нет, не праздновать нынешнему веку Светлого праздника так, как ему следует восприниматься. Есть страшное препятствие, есть непреодолимое препятствие, имя ему – г о р д о с т ь. <...> Ничему и ни во что он не верит; только верит в один ум свой. Чего не видит его ум, того для него нет. Он позабыл даже, что ум идет вперед, когда идут вперед все нравственные силы в человеке, и стоит без движения и даже идет назад, когда не возвышаются нравственные силы¹. <...> Бог вещь, может быть, за одно это желанье (в один день только обнять и обхватить человека) уже готова сброситься с Небес нам лестница и протянуться рука, помогающая взлететь по ней². <...> Мы еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму... есть уже начала братства Христова в самой нашей славянской природе... нет у нас тех озлобленных партий, какие водятся в Европе и которые поставляют препятствие непреодолимое к соединению людей и братской любви между ними <...> так рванется у нас все сбрасывать с себя позорящее и пятнающее нас, ни одна душа не отстанет от другой, и в такие минуты всякие ссоры, ненависти, вражды – все бывает позабыто, брат повиснет на груди у брата, и вся Россия – один человек³» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 187, 188, 191, 192).

Эта проблема волновала не только Гоголя. Перед большинством мыслителей 1820–1840-х годов остро стоял вопрос о судьбе России, о ее особом пути, не повторяющем «ошибок» европейской истории⁴.

Все сказанное Гоголем в «Выбранных местах...» для современников выглядело декларативным и мало обоснованным. Здесь следует оговориться, что мы имеем дело не с собственно научной статьей, а с некоей данностью, включающей в себя гипотезу, концепцию, идущую одновременно как из исторической, философской действительности, так и собственной незавершенности авторской жизни. «Выбранные места...» включают в себя разнообразные способы постижения жизни, мира, не ограничиваясь ни одним из них, обретая свою наджанровую природу. Отсюда следует принципиальная декларативность, риторичность стиля, «бездоказательность», которые не могут служить признаками легковесности умозаключений. Перед нами явный процесс создания эссеистического направления, включающего на качественно новом уровне «жанровой всеобщности» явления научного, философского, художественного ряда и непосредственно реализующегося в мыслительно-художественном писательстве, включающем в себя синтез таких понятий, как «мысль – образ – бытие».

Выводы

Для Гоголя в «Выбранных местах...» характерен особый принцип поэтики, который сочетал философские, эстетические, научные и художественные начала с самыми сложными как синкретическими, так и синтетическими элементами. Этот мощнейший сплав разнообразных форм культуры на основе глубинного и универсального осознания личностью жизни и его внутреннего «я», становится ядром поэтики итогового произведения и позволяет говорить о Гоголе как о писателе, создавшем особое качество русской культуры, влекущейся к цельности обретения бытия на уровне осмысления всей жизни с ее внекультурной бытийственностью.

«Выбранные места...» – книга подлинно синтетичная, в ней Гоголь предстает как православный мыслитель, зовущий к преображению человека в православной истине и тем самым возрождению национального сознания и социальной жизни, в одночасье становится одним из создателей качественно нового типа прозы – философской прозы, которая подвергла перестройке ряд категорий эстетики и художественных жанров.

Примечания:

¹ Здесь можно наблюдать удивительное сходство мыслей Гоголя с рассуждениями Чаадаева и Киреевского. Чаадаев в письме Шеллингу в 1842 году пишет: «Вы знаете, в вопросах философии мы еще ищем своего пути: поэтому весь вопрос в том, отдадимся ли мы порядку мыслей, поощряющему в высокой степени всякие личные пристрастия, или, верные дороге, которой мы следовали до сего дня, мы и впредь пойдем по путям того религиозного смирения, той скромности ума, которые во все времена были отличительной чертой нашего национального характера и в конечном счете плодотворным началом нашего своеобразного развития» (Чаадаев, 1987, с. 256).

Киреевский в статье «О необходимости и возможности новых начал для философии» (1856) отмечает: «Раздробив цельность духа на части и отделённому логическому мышлению предоставив высшее сознание истины, человек в глубине своего самосознания оторвался от всякой связи с действительностью и сам явился на земле существом отвлеченным... равно способный всему сочувствовать, всё одинаково любить, ко всему стремиться под условием только, чтобы физическая личность его ни от чего не страдала и не беспокоилась» (Киреевский, 1911, т. 1, с. 245). По мысли Киреевского, приобщение к истине дано только верующему сознанию: «Тот же смысл, которым человек понимал Божественное, служит ему и к разумению истины вообще» (Киреевский, 1911, т. 1, с. 246).

² Образ лестницы в жизни и творчестве Гоголя наполнен особым смыслом. Известно, что книга «Лествица» преподобного Иоанна Лествичника была одной из его любимых. Еще 26 июня 1842 года Гоголь писал Жуковскому: «Живет в душе моей глубокая, неотразимая вера, что Небесная Сила поможет взойти мне на ту лестницу, которая предстоит мне, хотя стою еще на нижайших и первых ее ступенях» (Гоголь, 1994, т. 9, с. 161). Согласно свидетельству доктора А. Т. Тарасенкова, в последнюю ночь перед смертью, часу в одиннадцатом, Гоголь громко произнес: «Лестницу, поскорее, давай лестницу!» (Впервые издано: Тарасенков А. Т. Последние дни жизни Н. В. Гоголя // Отечественные записки. 1856. № 12; 25, с. 524).

³ Стремление к нравственному преобразению приводит Н. В. Гоголя к состоянию соборности, которое А. Ф. Лосев охарактеризовал как «... глубочайшее основание всей действительности, как глубочайшую и интимнейшую потребность каждой отдельной личности, как то, в жертву чему должно быть принесено решительно всё. Это общее животрепещущее социальное тело, в котором каждая личность не больше как один из бесчисленных органов или клеток» (Лосев, 1991, с. 509).

⁴ Интересно проследить движение мысли И. В. Киреевского, П. Я. Чаадаева, А. С. Пушкина, созвучной Н. В. Гоголю: «Знаю я твердо, что не один человек в России, хотя я его и не знаю, твердо верит тому и говорит: “У нас прежде, чем во всякой другой земле, воспряднуется Светлое Воскресенье Христово!”» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 193). В «Обзрении русской словесности за 1829 год» Киреевский пишет: «У нас есть надежда и мысль о великом назначении нашего отечества!..» (Киреевский, 1911, т. 2, с. 38). Чаадаев, учитель и наставник молодого Киреевского, философские взгляды которого были во многом противоположны идеям Киреевского, в письме к Николаю I от 1 июня 1833 года формулирует свою мессианскую идею об особой роли России: «...Россия развивалась во всех отношениях иначе, и ей выпало на долю особое предназначение в этом мире... русский народ, великий и мощный, должен, думается мне, во всем не подчиняться воздействию других народов, но со своей стороны воздействовать на них» (Чаадаев, 1987, с. 213). Мысль Чаадаева проникнута верой в мистическую роль России, ее особое положение в духовной жизни Европы.

В осмыслении проблемы русского национального самосознания совершенно особое место занимают воззрения Пушкина. Европеизм поэта сочетается с твердым убеждением в своеобразии русского мира, в существенном отличии между историей России и историей Западной Европы. Полемически настроенный к мыслям Чаадаева о русской истории, Пушкин отмечал: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно: не уважать оное есть постыдное малодушие» (Пушкин, 1976, с. 18). Вместе с тем он четко представлял, «...что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою; что история ее требует другой мысли, другой формулы...» (Пушкин, 1976, с. 284).

Самосознание Гоголя, идущее через трагическое самоотрицание В. С. Печерина, П. Я. Чаадаева, пришло к утверждению мысли романтической и в конечном счете идеалистической концепции об особой роли России, о путях национального развития. Это был очень сжатый в исторических сроках диалектический взгляд Гоголя на развитие русской идеи, который выразился уже в первом томе «Мёртвых душ» в образе птицы-тройки: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? <...> и мчится вся вдохновенная Богом!.. Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. <...> летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства» (Гоголь, 1994, т. 5, с. 225–226).

Источники

- Айзикова И. А. (2005) Библейские мотивы и образы в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя. Сибирский филологический журнал, № 1–2, с. 25–37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bibleyskie-motivy-i-obrazy-v-vybrannyh-mestah-iz-perepiski-s-druzyami-n-v-gogolya/viewer>.
- Андреев И. М. (2009) Русские писатели XIX века. Очерки по истории русской литературы XIX века. М., Русский Паломник, 592 с.
- Аристотель (1978) Риторика. Пер. Н. Платоновой. В кн.: Античные риторика. Ред. А. А. Тахо-Годи. М., Издательство Московского университета, с. 15–166.
- Бахтин М. М. (1975) Вопросы литературы и эстетики. М., Художественная литература, 504 с.
- Белинский В. Г. (1954) Полное собрание сочинений: в 13 т. Редколл.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. Т. 5. Статьи и рецензии 1841–1844. М., Издательство Академии наук СССР, 863 с.
- Белинский В. Г. (1956) Полное собрание сочинений: в 13 т. Редколл.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. Т. 10. Статьи и рецензии. 1846–1848. АН СССР; ИРЛИ. М., Изд-во АН СССР, 474 с.
- Виноградов И. А. (2018) Литературная проповедь Н. В. Гоголя: Pro et contra. Проблемы исторической поэтики, т. 16, № 2, с. 49–115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnaya-propoved-n-v-gogolya-pro-et-contra/viewer>.
- Винокур Г. (1927) Биография и культура. М., Гос. акад. худож. наук, 86 с.
- Гачев Г. Д. (1981) Образ в русской художественной культуре. М., Искусство, 247 с.
- Гоголь Н. В. (1994) Собрание сочинений: в 9 т. Т. 5. М., Русская книга, 608 с.
- Гоголь Н. В. (1994) Собрание сочинений: в 9 т. Т. 6. М., Русская книга, 560 с.
- Гоголь Н. В. (1994) Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9. М., Русская книга, 784 с.
- Жиркова М. А. (2015) Исповедально-проповедническое начало «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя. Царскосельские чтения, с. 253–257. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispovedalno-propovednicheskoe-nachalo-vybrannyh-mest-iz-perepiski-s-druzyami-n-v-gogolya/viewer>.
- Зеньковский В. В. (1926) Русские мыслители и Европа. Париж, YMCA-PRESS, 290 с.
- Зеньковский В. В. (1991) История русской философии: в 2 т. Т. 1, ч. 1. Л., ЭГО, 220 с.
- Зеньковский В. (1994) Н. В. Гоголь. В кн.: Гиппиус В. Гоголь. СПб., Logos, с. 189–338.
- Киреевский И. В. (1911) Полное собрание сочинений: в 2 т. Под ред. и с предисл. М. Гершензона. Т. 1. М., Путь, 289 с.
- Киреевский И. В. (1911) Полное собрание сочинений: в 2 т. Под ред. и с предисл. М. Гершензона. Т. 2. М., Путь, 300 с.
- Коптева Э. И. (2014) Своеобразие жанровой формы «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя (к вопросу о русской просветительской традиции). Мир романтизма, № 17 (41), с. 149–157.
- Лосев А. Ф. (1991) Философия. Мифология. Культура. Сост. Ю. А. Ростовцев; вступ. ст. А. А. Тахо-Годи. М., Изд-во политической литературы, 525 с.
- Мочульский К. В. (1976) Духовный путь Гоголя. Париж, YMCA-PRESS, 148 с.
- П. В. Анненков и его друзья: Лит. воспоминания и переписка 1835–1885 годов (1892). СПб., А. С. Суворин, 666 с.
- Пушкин А. С. (1976) Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Критика и публицистика. Примеч. Ю. Г. Оксманова. М., Художественная литература, 508 с.
- Русанов Г. (1912) Поездка в Ясную Поляну. Толстовский ежегодник за 1912 г. Общ-во Толстовского муз. в Петербурге, Толстовское общ-во в Москве. СПб., М., Тип. Тов. И. Д. Сытина, 306 с.
- Соколов Л. (1915) Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. Ч. 2. Приложения. Киев: Типография Первой Киевской Артели Печатного Дела, 704 с.
- Тарасенков А. Т. (1952) Последние дни жизни Н. В. Гоголя. В кн.: Н. В. Гоголь в воспоминаниях современников. Ред., предисл. и коммент. С. И. Машинского. М., Гос. издательство худож. лит., с. 511–525.
- Чаадаев П. Я. (1987) Статьи и письма. Вступ. ст. и коммент. Б. Н. Тарасова. М., Современник, 367 с.
- Янушкевич А. С. (2006) Философия и поэтика гоголевского Всемира. Вестник Томского государственного университета, № 291, с. 145–154. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-i-poetika-gogolevskogo-vsemira/viewer>.

References

- Aizikova I. A. (2005) Bibleyskiye motivy i obrazy v “Vybrannykh mestakh iz perepiski s druz’yami” N. V. Gogolya [Biblical motifs and images in “Selected passages from correspondence with friends” by N. V. Gogol]. Siberian Philological Journal, no. 1–2, pp. 25–37. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/bibleyskie-motivy-i-obrazy-v-vybrannyh-mestah-iz-perepiski-s-druzyami-n-v-gogolya/viewer> (In Russian).
- Andreyev I. M. (2009) Russkiye pisateli XIX veka. Ocherki po istorii russkoy literatury XIX veka [Russian writers of the 19th century. Essays on the history of Russian literature of the XIX century]. Moscow, Russkiy Palomnik Publ., 592 p. (In Russian).
- Aristotle (1978) Ritorika [Rhetoric]. Trans. N. Platonova. In: Antichnyye ritoriki [Ancient rhetoric]. Ed. A. A. Takho-Godi. Moscow, Moscow University Press, pp. 15–166 (In Russian).
- Bakhtin M. M. (1975) Voprosy literatury i estetiki [Issues of literature and aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 504 p. (In Russian).
- Belinsky V. G. (1954) Polnoye sobraniye sochineniy: v 13 t. [Complete works: in 13 volumes]. Ed. N. F. Belchikov (chief editor) and others. Vol. 5. Stat’i i retsenzii 1841–1844 [Articles and reviews 1841–1844]. Moscow, Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 863 p. (In Russian).
- Belinsky V. G. (1956) Polnoye sobraniye sochineniy: v 13 t. [Complete works: in 13 volumes]. Ed. N. F. Belchikov (chief editor) and others. Vol. 10. Stat’i i retsenzii 1846–1848 [Articles and reviews 1846–1848]. Moscow, Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 474 p. (In Russian).

- Chaadayev P. YA. (1987) Stat'i i pis'ma [Articles and letters]. Intro. art. and comment. B. N. Tarasova. Moscow, Sovremennik Publ., 367 p. (In Russian).
- Gachev G. D. (1981) Obraz v russkoy khudozhestvennoy kul'ture [Image in Russian artistic culture]. Moscow, Iskustvo Publ., 247 p. (In Russian).
- Gogol' N. V. (1994) Sobraniye sochineniy: v 9 t. T. 5 [Collected works: in 9 volumes. Vol. 5]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 608 p. (In Russian).
- Gogol' N. V. (1994) Sobraniye sochineniy: v 9 t. T. 6 [Collected works: in 9 volumes. Vol. 6]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 560 p. (In Russian).
- Gogol' N. V. (1994) Sobraniye sochineniy: v 9 t. T. 9 [Collected works: in 9 volumes. Vol. 9]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 784 p. (In Russian).
- Kireyevskiy I. V. (1911) Polnoye sobraniye sochineniy: v 2 t. Pod red. i s predisl. M. Gershenzona. T. 1. [Complete works: in 2 volumes. Ed. and with preface. M. Gershenzon. Vol. 1]. Moscow, Put' Publ., 289 p. (In Russian).
- Kireyevskiy I. V. (1911) Polnoye sobraniye sochineniy: v 2 t. Pod red. i s predisl. M. Gershenzona. T. 2. [Complete works: in 2 volumes. Ed. and with preface. M. Gershenzon. Vol. 2]. Moscow, Put' Publ., 300 p. (In Russian).
- Kopteva E. I. (2014) Svoeobrazniye zhanrovoy formy "Vybrannykh mest iz perepiski s druz'yami" N. V. Gogolya (k voprosu o russkoy prosvetitel'skoy traditsii) [The originality of the genre form of N. V. Gogol's "Selected passages from correspondence with friends" (to the question of the Russian educational tradition)]. World of Romanticism, no. 17 (41), pp. 149–157 (In Russian).
- Losev A. F. (1991) Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura [Philosophy. Mythology. Culture] Comp. Yu. A. Rostovtsev; intro. art. A. A. Takho-Godi. Moscow, Izd-vo politicheskoy literatury Publ., 525 p. (In Russian).
- Mochul'skiy K. V. (1976) Dukhovnyy put' Gogolya [Gogol's spiritual path]. Paris, YMCA-PRESS, 148 p. (In Russian).
- Pushkin A. S. (1976) Sobraniye sochineniy: v 10 t. T. 6. Kritika i publitsistika [Collected works: in 10 volumes. Vol. 6. Criticism and journalism]. Note. Yu. G. Oksman. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 508 p. (In Russian).
- P. V. Annenkov i yego druz'ya: Lit. vospominaniya i perepiska 1835–1885 godov [P. V. Annenkov and his friends: Lit. Memoirs and Correspondence 1835–1885] (1892). Saint Petersburg, A. S. Suvorin Publ. House, 666 p. (In Russian).
- Rusanov G. (1912) Poyezdka v Yasnuyu Polyanu. Tolstovskiy yezhegodnik za 1912 g. Obshch-vo Tolstovskogo muz. v Peterburge, Tolstovskoye obshch-vo v Moskvu [Trip to Yasnaya Polyana. Tolstoy Yearbook for 1912 Society of Tolstoy Muses. Petersburg, Tolstoy Society in Moscow]. Saint Petersburg, Moscow, Tip. Tov. I. D. Sytina Publ. House, 306 p. (In Russian).
- Sokolov L. (1915) Yepiskop Ignatij Bryanchaninov. Yego zhizn', lichnost' i moral'no-asketicheskiye vozzreniya. Ch. 2. Prilozheniya [Bishop Ignatius Brianchaninov. His life, personality and moral and ascetic views. Part 2. Applications]. Kyiv, Tipografiya Pervoy Kiyevskoy Arteli Pechatnogo Dela, 704 p. (In Russian).
- Tarasenkov A. T. (1952) Posledniye dni zhizni N. V. Gogolya [The last days of the life of N. V. Gogol]. In: N. V. Gogol' v vospominaniyakh sovremennikov [N. V. Gogol in the memoirs of his contemporaries]. Ed., preface. and comment. S. I. Mashinsky. Moscow, Gos. Izdatel'stvo khudozh. lit. Publ., pp. 511–525 (In Russian).
- Vinogradov I. A. (2018) Literaturnaya propoved' N. V. Gogolya: Pro et contra [Literary sermon by N. V. Gogol: Pro et contra]. Problems of Historical Poetics, vol. 16, no. 2, pp. 49–115. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnaya-propoved-n-v-gogolya-pro-et-contra/viewer> (In Russian).
- Vinokur G. (1927) Biografiya i kul'tura [Biography and culture]. Moscow, Gos. akad. khudozh. nauk Publ., 86 p. (In Russian).
- Yanushkevich A. S. (2006) Filosofiya i poetika gogolevskogo Vsemira [Philosophy and poetics of Gogol's World]. Bulletin of Tomsk State University, no. 291, pp. 145–154. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-i-poetika-gogolevskogo-vsemira/viewer> (In Russian).
- Zen'kovskiy V. V. (1991) Istoriya russkoy filosofii: v 2 t. T. 1, ch. 1. [History of Russian philosophy: in 2 vols. Vol. 1, part 1]. Leningrad, EGO Publ., 220 p. (In Russian).
- Zen'kovskiy V. V. (1926) Russkiye mysliteli i Yevropa [Russian thinkers and Europe]. Paris, YMCA-PRESS, 290 p. (In Russian).
- Zen'kovskiy V. (1994) N. V. Gogol'. V kn.: Gippius V. Gogol'. [N. V. Gogol. In: Gippius V. Gogol]. Saint Petersburg, Logos Publ., pp. 189–338 (In Russian).
- Zhirkova M. A. (2015) Ispovedal'no-propovednicheskoye nachalo "Vybrannykh mest iz perepiski s druz'yami" N. V. Gogolya [Confessional and preaching beginning of "Selected passages from correspondence with friends" by N. V. Gogol]. Tsarskosel'skiye chteniya – Tsarskoye Selo Readings, pp. 253–257. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispovedalno-propovednicheskoe-nachalo-vybrannykh-mest-iz-perepiski-s-druzyami-n-v-gogolya/viewer> (In Russian).

Информация об авторе

Еремеев Александр Эммануилович

Доктор филологических наук, профессор, ректор Омской гуманитарной академии (644105, РФ, г. Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а). E-mail: nou_ogu@mail.ru

Author's information

Alexander E. Yeremeyev

Dr. Sc. (Philology), Professor, Rector of the Omsk Humanitarian Academy (2a 4th Cheluskintsev St., Omsk, 644105, Russian Federation). E-mail: nou_ogu@mail.ru